

Юн Линь осторожно подошёл к императрице Шу и тихонько позвал её:

— Матушка...

Но она никак не отреагировала. Подождав минуту, Юн Линь вновь неуверенно позвал её, и на этот раз императрица, похоже, всё же услышала его и, медленно подняв глаза, поглядела на сына. Секунду её взгляд выражал лишь гнев, но вдруг щёку обожгла горячая слеза, скатившаяся по гладкой коже.

— Матушка! — Юн Линь в растерянных чувствах опустился на колени, с трудом подбирая слова. — Ваш сын повёл себя непочтительно и заслуживает смерти. Матушка, Вам не стоит... Не стоит злиться и ругаться, так как это всё вина Вашего сына... Я так расстроил Вас...

Но императрица по-прежнему ничего ему не отвечала. Достав расшитый серебром платок, она поднесла его к лицу и вдруг горько расплакалась. Юн Линя прошиб холодный пот: ещё никогда в жизни он не делал ничего такого, что могло бы вызвать слёзы матери. Немного успокоившись, она поглядела на сына и изогнула губы в холодной усмешке.

— Как мне не злиться? Ты, негодник, не боишься ни неба, ни земли [1]! Мало того, что в моём дворце устроил переполох, так ещё и удрал во Дворец Наказаний!

— Матушка, я не собирался бить слуг, я лишь хотел встретиться с Юн Ци. Вы же ничего не знаете! Там над ним издеваются...

Вдруг императрица сделала паузу и, заглянув в глаза Юн Линя, тихо спросила:

— Ты действительно направил меч на своего старшего брата?

Юн Линь растерялся и опустил голову, не проронив ни слова.

— Это правда или нет? — Императрица схватила сына за рукав и с силой сжала ткань. Тонкие пальцы напоминали когти дикой птицы, которая не собиралась отпускать свою добычу.

Юн Линь, не решаясь поглядеть на мать, опустил взгляд и слегка кивнул. Она, похоже, не на шутку испугалась. Внезапно её хватка ослабла, и женщина замолчала.

— Матушка, я не нарочно. Ваш сын больше так не будет, простите меня, матушка.

Императрица подняла глаза и поглядела на него, смерив неясным взглядом.

— Не нарочно? — тихо повторила его слова женщина, и на её лице отразилось беспокойство. —

Кто-то ещё знает о том, что произошло? Кто-нибудь ещё был там с вами?

— Только я, Юн Шань и Юн Ци. Кроме нас никто не знает... Я перевязал рану Юн Шаня, кровь я тоже вытер. Он сказал, чтобы я молчал о том, что случилось.

Юн Линь робко прижался к женщине, будто мокрый котёнок к тёплому боку мамы-кошки. Она сегодня была такой злой, поэтому он даже чуть-чуть испугался, что матушка слишком нервничала из-за него. К счастью, императрица не была похожа на холодного Юн Шаня и не оттолкнула его от себя, как до этого сделал брат, оставив на животе заметный синяк. Женщина протянула к нему мелко дрожащие руки и мягко приобняла его за плечи, совсем как в детстве.

— В мире нет стен, которые не пропускали бы ветер [2], — сердито вздохнула она. Несмотря на то, что снегопад прекратился, мороз становился только крепче.

Императрица Шу, заранее готовившая сына к тому, чтобы тот занял место наследника престола, боялась препятствий, которые всё больше и больше могли попадаться на их пути, но она и подумать не могла, что эта первая преграда, с которой столкнёт её судьба, станет возмездием за прошлые грехи [3].

Убить наследника престола — это преступление, за которое...

— Солнце ещё не спустилось с гор, а я уже поняла, что стряслось, — не спеша проговорила императрица. — Уж если я, будучи у себя во дворце, узнала об этом происшествии, то наложница Цзин тоже услышала эти новости. Я в этом более чем уверена. — В тишине комнаты её голос звучал строже обычного.

— Наложница Цзин? — с изумлением спросил Юн Линь. — У неё есть люди во Дворце Наказаний?

— Если мы смогли послать туда своих людей, то почему бы и ей не сделать этого? Кто знает, может, там есть ещё и люди наложницы Ли? — холодно усмехнулась матушка Шу, однако сама она держала сына в объятиях, будто боясь его отпустить.

Как странно. Один из её сыновей словно в одночасье вырос в статного юношу, которого теперь не так-то просто было обнять.

А другой словно и не рос вообще, оставаясь таким же ребёнком, как и раньше, и она могла позволить себе заключить его в объятия.

Едва лишь обняв Юн Линя, женщина тотчас же ощутила, что её младший сын нуждается в защите. И она готова была до последнего его защищать, уберегая от злых и коварных людей.

— Юн Линь, если об этом несчастном случае всем станет известно, ты понимаешь, что

стучится?

— Понимаю, — тихо отозвался юноша, — меня могут убить. Ранить наследника престола — это серьёзное преступление, за которое казнят... Но, матушка, — находясь в её объятиях, Юн Линь поднял голову и поглядел на мать глазами, полными надежды, — старший брат сказал, что не позволит этому случиться.

— Конечно, лучше, чтобы этого не произошло. Но что, если это не останется в тайне, а?

От этих слов Юн Линь застыл в ужасе. Матушка тихо рассмеялась и окинула его ласковым взглядом:

— Не бойся, дитя моё.

В эту минуту императрица почувствовала себя так, будто вернулась в прошлое, когда Юн Линь, будучи совсем маленьким, тайком проник в кабинет отца-императора и нечаянно разбил его любимую тушечницу [4]. Поспешно прибежав к матушке, Юн Линь всё ей рассказал, надеясь, что этот его невинный проступок останется в тайне, и ругать его сильно не будут.

Голос императрицы звучал, словно шёлк, опоясывающий своей полупрозрачной дымкой всё пространство:

— Если об этом станет известно, кто-то может умереть. Но этим человеком будешь не ты.

Боль всю ночь терзала Юн Шаня, не давая ему уснуть.

И не известно, что болело сильнее: то ли сердце, то ли рана на ноге. Сам же юноша постоянно ворочался с боку на бок, а слуги один за другим постоянно суетились, поднося ему воду. Они приходили, уходили, входили и снова выходили. Казалось, этому не будет конца.

Когда же Юш Шань закрывал глаза, сразу же видел растёкшуюся по шее кровь и испуганное лицо Юн Ци. Он видел, как Юн Ци подскочил к Юн Линю, когда тот от удара упал на землю, и с какой любовью старший брат смотрел на него. Но потом Юн Ци обернулся и со всей ненавистью, что переполняла его душу, поглядел на него, Юн Шаня.

Любовь и ненависть... Кто бы мог подумать, что любовь, которая плескалась во взгляде Юн Ци так недавно, когда он смотрел на Юн Линя, может так быстро смениться ненавистью, буквально в мгновение ока, стоит только ему перевести взгляд на другого брата.

Юн Шань сожалеет.

Он горько улыбнулся и тихо застонал.

— Ваше Высочество, Вам больно? — осторожно спросил Чан Дэфу, что стоял на коленях у края кровати. — Мне снова приготовить для Вас обезболивающее лекарство?

— Нет, не стоит. Уже рассвет?

Чан Дэфу шёпотом ответил:

— Солнце лишь наполовину взошло и светит ярко-оранжевым. Наследному принцу нездоровится, поэтому сегодня лучше поспать немного подольше.

Юн Шань лишь мог с пренебрежением согласиться.

Его одолевала небольшая усталость. Должно быть, он ослаб из-за вчерашнего кровотечения, от которого он не ощущал ни рук, ни ног. Поглядев на верх полога, Юн Шань подумал, что свихнётся, если целый день будет камнем лежать в постели и ничем себя не займёт.

Политических дел было не очень много. Получив высочайший указ, чиновники, что отвечали за управление страной и ведение войны, должны были ему помочь написать доклад, поскольку полноценным правителем он ещё не стал. Однако это всё было лишь мелочью, и кронпринцу не следовало прилагать каких-либо усилий в бумажной работе, так как дворцовые служащие самостоятельно составляли доклад, описывая всё вкратце. Он должен был присутствовать на заседаниях и решать вопросы устно, а министры и чиновники для того и нанимались, чтобы выполнять более мелкую бумажную работу. Что же касается его собственных дел, то для их выполнения ему понадобилась всего лишь пара часов.

В отношении же Дворца Наказаний... Ногу внезапно пронзила резкая боль. Юн Шань неожиданно нахмурился и беззвучно вцепился в ватное одеяло.

Он не знал, как там Юн Ци. Отправили ли к нему слуг, которые могли о нём позаботиться, он тоже не знал. Ожог сам по себе очень болезненный и, как назло, Юн Ци с детства боялся боли. Юн Шань понятия не имел, спал ли сегодня его младший брат, ел ли, приставили ли к нему лекаря. Он ничего не знал, а если бы послал слуг проверить, это вызвало бы подозрения.

«Разве смогу я в таком состоянии прийти к нему?» — гневался на свою слабость кронпринц.

Юн Ци до скрежета зубов ненавидит его, и Юн Шань в его глазах ничем не отличался от злого демона из преисподней.

А Юн Линь? Этот неисправимый мальчишка с самого детства не извлекал уроков из ситуаций, в которые попадал. Живя с ним под одной крышей, в одном дворце, он вызывал у Юн Шаня не только гнев, но и ненависть. Но тогда почему он не ударил брата сильнее, когда пнул его вчера?

Юн Шань был мрачен, все его мысли были охвачены ранением, которое периодически давало о себе знать, пронзая ногу острой болью.

Юноша закрыл глаза, надеясь хоть немного поспать, но мысли в его голове продолжали жужжать, словно осиный рой. Пока Юн Шань боролся с ними, в комнату бесшумно вошёл Чан Дэфу и, так же тихо опустившись у края кровати, шёпотом доложил:

— Ваше Высочество, приехал Его Высочество принц Юн Линь.

От этих слов Юн Шань внезапно распахнул глаза. Помолчав какое-то время, он отдал приказ:

— Я хочу, чтобы он ушёл. Я запрещаю ему переступать порог моей комнаты.

— Ваше Высочество...

— Ты что, не расслышал?

— Ваше Высочество... Его Высочество Юн Линь упал на колени перед залом и сказал, что совершил ошибку. Если Ваше Высочество не встретится с ним, он не сдвинется с места. Там такой сильный ветер, и я боюсь, что Его Высочество Юн Линь может заболеть.

Как только Чан Дэфу закончил говорить, под пологом кровати повисла тишина. Лишь спустя какое-то время донёсся холодный голос Юн Шаня:

— Он сильный юноша, а не хрупкая девушка.

Чан Дэфу слушал безжалостный голос принца, не осмеливаясь открыть рот, а затем лишь коротко вставил своё малозначащее «слушаюсь».

Через какое-то время Юн Шань вновь разомкнул губы и заговорил:

— Если он не согласится уйти, найди двух стражников, свяжи его и отправь обратно во дворец к матушке.

Чан Дэфу снова проронил: «Слушаюсь!» — но спустя минуту вновь шёпотом сказал:

— Рана Вашего Высочество болит. Если целебный отвар не помогает, я могу поискать кого-то, кто будет Вам растирать стопы. Говорят, ощущения могут причинить боль, но раны быстрее затянутся.

Юн Шань небрежно бросил: «Угу».

Получив все распоряжения, Чан Дэфу вышел из комнаты, но вскоре вернулся и доложил:

— Его Высочество Юн Линя отправили во дворец императрицы Шу. — Нередко прислуживая наследному принцу, Чан Дэфу понял, что Юн Шань серьёзно относится даже к речам и смеху [5] и ненавидит, когда слуги болтают лишнего, поэтому он ничего больше не сказал и тихо вышел за дверь.

Вдруг в комнате возникла чья-то маленькая тень, прошедшая неслышной поступью к постели принца, и опустилась перед ней на колени. В ту же минуту пара хрупких рук проскользнула под полог и, поймав в плен ногу Юн Шаня, принялась массировать его стопу. Под таким сильным, однако мягким натиском юноша неожиданно почувствовал, что боль как будто бы отступила.

Почувствовав облегчение, Юн Шань довольно простонал, но, внезапно почувствовав что-то неладное, он резко сел и, приподняв полог кровати, изумлённо воскликнул:

— Матушка?

И действительно, тем, кто массировал ногу Юн Шаня, стоя на коленях возле его кровати, оказалась императрица Шу. Госпожа была одета в роскошный дворцовый наряд, иссиня-чёрные блестящие волосы были подобраны и завязаны в узел императорской супругой второго класса госпожой Гуй. Эта причёска была явно сделана после того, как матушка Шу облачилась в свой наряд. Протянув руки, женщина мягко массировала ступню сына и со смехом спросила:

— Ну как? Боль проходит?

— Матушка, пожалуйста, встаньте с колен. — Юн Шань крепко схватил женщину за руки и потянул её наверх, сведя изящные брови на переносице: — Скорее вставайте. Матушка, зачем Вы встали на колени у кровати Вашего сына?

Но императрица Шу даже пальцем не пошевелила. Уголки её губ поднялись, и горькая улыбка словно расплылась по лицу:

— Ты являешься наследником престола, и жизнь Юн Линя в твоих руках. И если не матушка встанет на колени, то кто это сделает за неё?

— Я знаю, что может стать с Юн Линем, и совершенно не хочу распространяться о том, что произошло. Матушка, скорее встаньте с колен. Если Вы так и дальше будете стоять на коленях, я не вынесу этого. — Юн Шань свесил ноги с кровати и бросился к императрице, но тяжёлое ранение напомнило о себе тупой болью. Холодный пот тотчас же заструился по телу. Стараясь пересилить боль, юноша обратился к матушке, чтобы помочь подняться: — Юн Линь мой единственный младший брат, как я могу наплеватьски относиться к его жизни?

Дослушав слова Юн Шаня, императрица поднялась с места и присела на край кровати. Заметив

холодные испарины на лбу сына, она стёрла их длинным рукавом.

— Боль настолько невыносима? — заботливо спросила она. — У меня во дворце есть лекарство, если хочешь, его принесут тебе...

— Не стоит, — покачал Юн Шань головой, — боль скоро пройдёт. Бесконечный поток людей только утомляет меня.

Прошлой ночью матушка наказала Юн Линя, но, когда она заметила яркий синяк на животе сына, ей стало дурно. Она невольно подумала, что этот негодный Юн Шань слишком жестоко ударил младшего брата ногой.

Но, увидев, в каком состоянии Юн Шань, женщина снова подумала о Юн Лине и с негодованием заскрежетала зубами:

— Юн Линь действительно заслуживает наказания. Он схватился за оружие, и, если ты получишь увечье на всю жизнь, чувство вины поглотит его.

Юн Шань долгое время молчал, но, когда заговорил, голос его был пропитан отстранённостью:

— Я вчера жестоко ударил его. Матушка, запомните, Вам нужно найти того, кто приготовит ему лекарство. Пусть брат сидит во дворце, а не бегает в снегопад. Он ранен, и из-за мороза и ветра он может простудиться. Проследите за ним, прошу.

Примечание:

[1] «Не бояться ни неба ни земли» — буквально: жить бесстрашной жизнью.

[2] «В мире нет стен, которые не пропускали бы ветер» — русский аналог: «и у стен есть уши» или «шила в мешке не утаить».

[3] «Возмездие за прошлый грехи» также звучит, как бранное выражение: «проклятие — наказание за грехи мои».

[4] Тушечница — чернильный камень, используемый для растирания туши.

[5] «Серьёзно относиться даже к речам и смеху» — буквально: не болтать попусту.

<http://bllate.org/book/13372/1189549>